

БАТАЛЬОН, КОТОРЫЙ ВЫЗВАЛ ОГОНЬ НА СЕБЯ

СРАЖЕНИЕ ЗА ГОРОД ХАЙДЕРШАЙД 23-24 ДЕКАБРЯ 1944 ГОДА

В ходе Арденнского сражения, обороняя город Хайдершайд, являвшийся важным дорожным узлом на путях наступления немецких войск, 2-й Батальон 319-го Пехотного Полка армии США вызвал огонь на себя...

18 декабря

Шел холодный непрерывный дождь, который, однако, не смог испортить настроение солдатам и офицерам 2-го Батальона 319-го Пехотного Полка. Батальон только что вернулся на фронт после десятидневного отдыха в городе Мерлебак/Merlebach, Франция), где все набрались сил, откуда съездили в Париж в увольнительные и хорошо провели время... Покинув 17 декабря Мерлебак, батальон тронулся в путь в направлении города Рорбах/Rohrbach и добрался до крохотной французской деревушки Оелен/Noelling, затерянной в лесах Эльзаса неподалеку от Саарбрюккена, города, который прочно удерживали немцы.

Командный пункт батальона расположился старом сарае с протекающей крышей. Все командиры рот были собраны, чтобы обсудить план предстоящей операции, имеющей ограниченные цели. Батальон сменил подразделения 25-й Дивизии и начал подготовку к захвату высоты, расположенной прямо по фронту от него. Далее командование намеревалось атаковать, находясь в авангарде войск, наступающих на Саарбрюккен. Они не собирались атаковать город в лоб, а стремились обойти город и сомкнуться с частями другой дивизии, отрезав его от источников снабжения продовольствием, боеприпасами и подкреплениями.

Настроение во время брифинга было расслабленным, так как офицеры ожидали прибытия командира батальона полковника Бэнди (Bandy). Они шутили, смеялись и вели себя как подростки, а не как обстрелянные парни, имевшие за плечами четыре месяца непрерывных боев. Стульев не было – все валялись на кучах сена. Беседа была живой, с прибаутками, дразнилками – все это с тем особым оттенком тюремного юмора, который типичен для людей, связанными совместным фронтовым опытом. Прибыл Уильям Чемберлен (William Chamberlain), капитан, командир роты *F*. Капитан Годби (Godby), командир роты *E*, вскочил, вытащил пистолет и направил его на Чемберлена, прокричав «gotcha» или что-то в этом роде. Фрэнк Хейс (Frank Hayes), командир Роты *G*, навел свой пистолет на Годби, и вскоре уже было непонятно, кто в кого собрался стрелять. Все это сопровождалось хохотом и грубоватыми комментариями, но затем шум утих, и беседа перешла в спокойное русло.

Один из офицеров слышал по радио, что немцы перешли в контрнаступление в секторе Люксембург-Бельгия и достигли некоторых успехов. В общем, все сошлись на том, что уже вскоре союзники остановят противника. Прибыл полковник Бэнди (Bandy), и началось совещание. Он обрисовал общий план действий и затем заговорил о том, что мы будем делать завтра. Ротам *F* и *G* предстояло начать продвижение вперед около 6 утра и пробиваться к вершине гряды. Там они должны будут окопаться и отбиваться возможные контратаки. Тут зазвонил телефон – звонок из штаба полка. Капитан Хармон (Harmon,

офицер по кадрам, командир штабной роты) ответил. Полученное послание было коротким: «Сообщите полковнику Бэнди, чтобы он отменил все планы и подготовился к продолжительной переброске на грузовиках.»

19 декабря

Подразделения 2-го Батальона сменили части 12-й Танковой Дивизии, и в 14.00 батальон был собран в деревне Оелен, чтобы быть готовым к переброске в Люксембург. Прибыли грузовики, и в 18.30 часть тронулась в путь. Ночь была темной, шел дождь. Впервые с момента высадки на континенте батальон передвигался на машинах с зажженными фарами. Обычно колонна ползла по дорогам со слабой подсветкой (cat's eyes), с которой почти ничего не было видно.

20 декабря

Батальон проехал на улицы Люксембурга и направился в сторону Беггена/Beggen, пригорода Люксембурга. Роты раскидали по разным улицам для расквартирования, и говорящие по-немецки солдаты из каждой роты пошли спрашивать местных жителей, где есть свободные квартиры (frei zimmers). Часа в 4-5 после полудня батальон расположился по домам, прячась от сырой, облачной погоды. Приказов о переброске на передовую пока не было.

21 декабря

Батальон подняли по тревоге в 13.30 и кого в пешем строю, кого на машинах перебросили в крохотную деревню Тунтиген/Tuntigen, расположенную где-то в 9 милях. Полк был готов вступить в бой, 2-й Батальон был оставлен в полковом резерве.

22 декабря

Когда батальон проснулся, сыпал сильный снег. Со стороны линии фронта доносился грохот артиллерийской канонады. В полдень грузовики направились в сторону деревни Воеванге (*видимо, Боеванж/Boevange - ВК*), еще через час они были в деревне Вихтен/Vichten. Всюду лежал снег, температура упала до нуля. Однако боевой дух у солдат оставался высоким: они устроились в домах, укрывшись от сырости и снега, и грелись у огня. Весь день доносились слухи о победоносных боях против немцев. Вскоре зазвенел телефон – звонили из штаба полка. Полковнику Бэнди был передан приказ явиться в штаб с командирами рот на совещание.

Полковник Бэнди вернулся с совещания и вошел в комнату. Было хорошо известно, что полковник не был большим любителем лично принимать участие в бою, но на этот раз он

просто выглядел как человек, которого приговорили к казни на электрическом стуле. Джон Лик (John Leake), его офицер-оперативник, который сопровождал его в поездке в полк, покачал головой, словно говоря: «Будет горячо!» Полковник развернул свою карту, и вокруг стола собрались офицеры. Показывая на окраину городка, полковник сказал: «Вот линия фронта. Немцев сильно потрепали, но к ночи дела пошли хаотично. Наши войска расположились вдоль этой линии.» Он выдержал паузу, словно не желая говорить об этом, и сказал: «Нам приказали всем батальоном пройти через наши передовые линии, просочиться за пределы передовой линии немцев, пересечь открытое пространство и, выйдя к этой дороге, занять городок Хайдершайд/Heiderscheid. Если мы с этим справимся, наши подойдут к нам к завтрашней ночи.» Офицеры молча склонились над картой. Все это выглядело не очень многообещающе. За открытым полем начинался лес, дорога шла через него на протяжении примерно трех километров. Хайдершайд находился на противоположной стороне леса. Немцы наверняка окажутся в том самом лесу. Было легко представить себе, как за каждым деревом прячется *Краут/Kraut* и стреляет по попавшему в окружение батальону, продвигающемуся по этой дороге. Было трудно поверить в возможность пересечь этот лес без тяжелых потерь. В довершение всего снегопад прекратился, и погода прояснилась: луна будет светить так, что никакой надежды на полную темноту не осталось. На элемент внезапности рассчитывать не приходилось.

«Почему Хайдершайд, полковник?» - спросил кто-то, выразив эмоции остальных. Бэнди обратился к карте. «Видите здесь эту дорогу? Если мы займем Хайдершайд, мы оседлаем один из основных путей снабжения немцев, атакующих Бастонь. Сам генерал Паттон приказал провести эту операцию.» Ему не нужно было добавлять то, что немцы едва ли позволят кому-либо войти в этот городок без серьезного боя.

Разговор вернулся к рациональной оценке ситуации. Страх прошел, все сконцентрировалось на том, как сделать свое дело. Каковы были шансы на успех без использования танков, которые создадут столько шума? Было решено, что незаметно проскользнуть к городку не удастся, поэтому с батальоном выдвинутся все имеющиеся огневые средства. Нам был также предложен взвод новых самоходных противотанковых установок калибра 90-мм (*вероятно, речь идет о 90-мм самоходной пушке M36 – ВК*). Говорили, что они лучше, чем немецкие 88-миллиметровки. Будет побольше шума, но еще четыре машины уже разницы не сделают. Страх, настороженность, нерешительность исчезли. Офицеры батальона погрузились в планирование операции. Работой руководил майор Сэм Вильямс (Sam Williams, Bn Executive Officer – заместитель командира батальона), и под его руководством дело должно было пойти на лад. Офицеры, находившиеся в комнате, понимали, кто был стержнем их подразделения, и, поскольку Сэм Уильямс был с ними, все знали, что под его командой они сомкнутся в единый боевой механизм...

Батальон выступил в 23.00. Рота *E*, находившаяся в авангарде, передала сообщение о том, что они проходят нашу передовую. Вскоре после этого пришло известие о том, что они находятся на полпути через открытое поле, и огня по ним пока никто не открывал. Затем на рацию пришло сообщение о том, что они достигли той самой дороги, и все еще без огневого контакта с противником! Ближе к полуночи весь батальон растянулся в марше вдоль дороги, при этом авангард был уже в трех километрах от цели. Патрули продвигались примерно в 50 ярдах по обе стороны дороги. Их задачей были выявление возможных групп противника и обеспечение того, что батальон не будет захвачен

врасплох.

23 декабря – ночь и первая половина дня

Дорога была покрыта льдом толщиной в дюйм, из-за чего танки и противотанковые самоходки скользили, съезжали с дороги и сползали назад на подъемах. Шум их двигателей просто оглушал солдат, которые надеялись на сохранение тишины во время марша. Вместо этого стоял грохот, как на фабрике... Но немцев не было ни видно, ни слышно. Рота *E* сообщила о том, что вышла из леса и Хайдершайд уже находится в поле зрения. Итак, в лесу немцев не оказалось. Все вздохнули с облегчением.

Капитан Годби уже находился в районе фермы на краю леса и не видел никакого движения в городке, расположенном в полукилометре. Полковник Бэнди приказал остановиться. Все командиры рот получили приказ собраться в здании фермы. Появилась надежда, что городок вообще не занят противником. Было решено послать разведку для выяснения того, есть ли противник в городке. Сержант Хэррелл (Harrell) из взвода *I & R* (*Intelligence and Reconnaissance – взвод разведки и рекогносцировки – ВК*) возглавил патруль из четверых солдат. Было около часа ночи, но луна светила слишком сильно для того, чтобы продвигаться незаметно. В штабе батальона ждали, не теряя надежду на лучшее, но неожиданно до фермы донесся шум перестрелки. Сержант Хэррелл после стычки с противником сумел вернуться со всеми своими солдатами и доложить о том, что противник находится, практически, в каждом доме и то, что патруль попал под артиллерийский огонь напротив перекрестка дорог, одна из которых вела в город.

К четырем утра был разработан план действий, все подразделения заняли исходные позиции, готовые к атаке. Рота *F* расположилась слева от дороги, рота *E* справа. Взвод танков должен был продвинуться вдоль дороги и смять артиллерийскую позицию врага, блокирующую дорогу в город. Развернувшийся в линию батальон приблизился к городу. Лейтенант Шатт (Shutt), командир взвода танков, находился в головной машине, намереваясь уничтожить самоходное орудие, блокирующее въезд в город. Он приказал своему наводчику засечь расположение вспышки выстрела, когда самоходка откроет огонь, и навести на нее пушку. Танк остановился, чтобы выстрелить наверняка, и пушечный выстрел противника не заставил себя ждать. Сильнейший взрыв поднял землю в воздух прямо перед танком – Шатт заключил, что от взрыва вражеского снаряда сдетонировала [противотанковая] мина, и этот выстрел спас ему жизнь. Вслед за этим наводчик сумел точно выполнить приказ, и его выстрел вывел немецкую самоходку из строя. Путь к городу был открыт.

Пехота ворвалась в город и приступила к его зачистке от немцев. Солдаты бросали гранаты в окна и проломы от снарядов, затем врываются в дома и стреляли во все, что шевелится. Таким образом, к 11 утра город был очищен от противника. При этом атакующие потеряли всего 6 человек убитыми и ранеными. После этого американцы немедленно приступили к подготовке к отражению вражеской контратаки, зная, что немцы четко следуют своим правилам ведения боевых действий – если они выбиты из города, через час последует их контратака. По немцам можно было проверять часы.

Судя по воспоминаниям одного из солдат батальона, уже в первой половине дня (?) 23

декабря в город пытался въехать грузовик с немецкими солдатами:

23 декабря я стоял на посту возле командного пункта роты Н, на главной улице городка и тут, откуда ни возьмись, в городок въезжает немецкий грузовик! Наш танк заблокировал ему выезд, и уехать куда подальше он уже не мог. Я поднял винтовку и выстрелил в водителя. Лобовое стекло разлетелось на куски, но грузовик прокатился вперед еще несколько десятков метров и остановился посреди городской площади. В этот момент как будто гром грянул, и все начали стрелять по грузовику. Он был полон немцев... Вскоре от них не осталось и следа.

С юга к городу выходила V-образная долина. Полковник Бэнди приказал нацелить на нее минометы и тяжелые пулеметы. Пехота окопалась, батальон был готов отразить атаку противника. В этот момент кто-то заметил, что по дороге, проходящей к северу от города, движется колонна войск противника: танки, полугусеничные транспортеры и грузовики. Очевидно, это была танковая часть, выдвигавшаяся к Бастони. Был соблазн затаиться и дать механизированной колонне пройти мимо, но Сэм Уильямс не мог этого позволить. Прозвучала команда: «Огонь по ублюдкам! Мы здесь именно для этого!» Полковник Бэнди, который, вероятно, предпочел бы тихо отсидеться в городке, отдал приказ танкам и истребителям танков выдвинуться на благоприятную позицию и открыть огонь. Противник находился вне зоны прицельного огня танков, но 90-миллиметровые пушки истребителей танков быстро нашли свои цели. Застигнутые врасплох немцы свалились с гребня гряды, по которой проходила дорога, и уже вскоре исчезли из поля зрения. Сразу же после этого, ровно в полдень, рота немецких пехотинцев с четырьмя танками приблизилась к городу с юга. Обе стороны открыли огонь, и американцы засыпали минами всю долину. Немцы были в меньшинстве с самого начала, минометный и пулеметный огонь обороняющихся, а затем и огонь истребителей танков, которые подожгли три из четырех немецких машин, вынудили немцев отступить. Весь бой продолжался не более пятнадцати минут...

Вероятно, в этом бою отличился экипаж носившего название *Mad Dog* танка *Шерман М4А3* под номером *С-11*, из Роты *С 702*-го Танкового Батальона. Официальный документ, написанный в Бронетанковой Школе в Форт Нокс (Ft. Knox, штат Кентукки), так описывает боевые достижения танкистов:

*[Экипаж] продемонстрировал незаурядную храбрость, мастерство и дисциплину... В него входили лейтенант Джон Престридж (John Prestridge, командир взвода и танка), капрал Джордж Гиархарт (George Gearhart, наводчик), капрал Том Уинфорд (Tom Winford заряжающий), капрал Эмил Готиер (Emil Gothier, пулеметчик и 2-й механик-водитель) и Т/4 Вонифасио Урагвен (Бонифасио Ираген механик-водитель). Накануне Рождества [23 декабря] 1944 лейтенант Престридж получил приказ атаковать Хайдершайд (Люксембург). Несмотря на то, что его танк был единственной машиной, остававшейся в его взводе, и то, что пехота, которая должна была его поддержать, так и не появилась, экипаж танка *Mad Dog*, верный своему долгу, выполнил боевую задачу. Уже находясь в Хайдершаиде, экипаж заметил колонну из 11 немецких бронированных машин, приближавшихся к его местонахождению. Дав немцам возможность подойти поближе, экипаж вывел из строя головной танк, Пантеру, и замыкающую машину – бронетранспортер. Бой был коротким, но катастрофическим [для противника]. В итоге на счету экипажа оказались 2 Пантеры, два танка Pz.IV, два Тигра и три бронетранспортера. Примерно 53 вражеских солдата были убиты в этом*

бою.

Капрал Гуархарт рядом с уничтоженной немецкой бронемашинной
<http://www.thetroubleshooters.com/702nd/maddog001.html>

Ко времени этой атаки *Mad Dog* оставался единственным готовым к бою танком из взвода, состоявшего из 5 машин, потому что по дороге на Хайдершайд другие 4 машины увязли в снегу на обочинах обмерзшей грунтовой дороге. Танк занял оборонительную позицию на окраине города, спрятавшись между зданиями.

*Американские солдаты осматривают подбитый немецкий танк на окраине
Хайдершайда*
<https://i.pinimg.com/originals/76/24/4f/76244f7bb8a1cda18129b1eb3b4036f6.jpg>

Вспоминает механик-водитель Бонифасио Ираген по кличке *Fish*.

Они приблизились к нам на расстояние в 350 ярдов. Лейтенант дал возможность первому танку продвинуться вперед, и затем вlepил [снаряд] во вторую машину. Затем он поразил продвигавшийся дальше первый танк... С одного выстрела. Еще один приблизился, это была большая машина, на него ушло два или три выстрела. Лейтенант не промахивался. Мы знали расстояние, мы угадывали расстояние. И все было точно! Лейтенант бил наверняка на расстояние до 1000 ярдов. Каждый раз в точку. Они [немцы] продолжали наступать, пока мы не подбили шестерых из них. Тогда они остановились. Мы смотрели и ждали. Лейтенант выпрыгнул из машины и посмотрел на то, что происходит за нами. Проскользнул между домами, что получше рассмотреть. Они [немцы] сделали большую дугу и скрылись из нашего поля зрения.

Бонифасио Ираген, американец баскского происхождения, в раннем детстве даже не говоривший по-английски...

<http://www.thetroubleshooters.com/702nd/boniyraquen01.html>

Было очевидно, что немцы не потерпят присутствия американцев в городке и снова попытаются выбить их, в связи с чем американцы выработали более продуманный план обороны городка. В два часа дня более крупная боевая группа с семью танками предприняла атаку с южного направления, и снова Батальон уверенно отразил ее. Оборонительный план, разработанный Бэнди и приведенный в действие Уильямсом, сработал. Атакующая пехота понесла тяжелые потери, шесть немецких танков было выведено из строя. Четыре машины были подбиты огнем из базук солдат роты Е, которые заняли позиции в подвалах и, давая танкам подставить под огонь свою боковую броню, стреляли в башни. Последняя машина была уничтожена истребителями танков, при этом выстрел был произведен с расстояния в 2600 ярдов. Снаряд попал в кормовую часть ушедшего легкого танка, и взрыв перевернул машину. Стало очевидно, что у американцев теперь есть пушка, способная составить конкуренцию немецкой 88-миллиметровке.

Сделанные на окраине города Хайдершайд фотографии уничтоженной немецкой бронетехники <https://www.tapatalk.com/groups/missinglynx/heiderscheid-photo-sequence-fixed-t53489.html>

Следует заметить, что по данным люксембургского военно-исторического общества, изучающего историю Арденнского сражения, после отражения атаки на поле боя не осталось подбитых танков *Тигр*. По воспоминаниям танкистов союзных войск, сражавшихся в Европе, им приходилось вступать в бой с *Тиграми* едва ли не повсеместно, что не вполне соответствует действительности... Если это действительно были *Тигры*, то, возможно, немцам удалось утащить подбитые машины в тыл.

23 декабря, вторая половина дня

Стояла морозная, ясная погода. Вскоре после безуспешной атаки противника над расположением батальона прошла армада самолетов 8-го Корпуса ВВС США (8th Air Corps), которым предстояло нанести бомбовой удар по линиям снабжения наступавших немецких войск. Вид этой армады поднял настроение *G.I.*, которые вопили от радости и махали руками, как дети.

Приближалась ночь. У батальона не было телефонной связи с полком, поэтому для коммуникаций использовалось радио. Солдаты расположились в домах, но по окраинам города были расставлены посты. Американцы не забыли о том, что танковая дивизия противника, сместившись с дороги, всего лишь ушла из поля зрения, но надеялись, что немцев больше интересует Бастонь, а не Хайдершайд.

24 декабря 1944

Ранним утром тишину нарушил взрыв авиабомбы, упавшей по соседству с домом, в котором размещался командный пункт Батальона. В комнате, в которой спали полковник Бэнди и его штабные офицеры, разворотило стену, но никто из офицеров не пострадал.

По-видимому, этот эпизод вспоминает один из солдат батальона:

Ночь с 23 на 24 декабря была ясной и лунной. Я был снова на посту, когда какой-то легкомоторный самолетик с растяжками пролетел над крышами домов и сбросил бомбу на боевой патруль 2-го Батальона. Он не попал в цель, но взрывом сорвало башню с истребителя танков. Я хорошо видел самолет, но шанса выстрелить по нему у меня не было.

К 7 утра на смену ясной и морозной погоде пришли влажность и туман. Шел легкий снег. В это время к позициям американцев приблизились немцы, и обороняющиеся разглядели в тумане танки и полугусеничные транспортеры, из которых выпрыгивали одетые в белое пехотинцы. Танки открыли огонь по позициям американцев, пехота пошла в атаку. На стороне немцев было значительное численное превосходство: около 5 000 немцев атаковали батальон численностью в 539 человек. Они ворвались в городок, начались уличные бои. Американцы отстреливались из окон домов и проломов в стенах, немцы поливали их огнем и забрасывали гранатами. Полное уничтожение батальона было только вопросом времени...

Полковник Бэнди перенес свой командный пункт в подвал, поддерживая телефонный

контакт с командирами рот. Штабная рота, тем временем, вела оборонительный бой вместе со всем батальоном... На командном пункте появился Сэм Уильямс и спросил, где командир батальона. Ему указали на лестницу, ведущую в подвал дома. Уильямс спустился вниз, уведомил полковника о том, что немцы уже на улицах города и штурмуют дома и добавил: «Пускай наша артиллерия разнесет этот долбаный город на куски. Им достанется больше, чем нам!» - Полковник медлил. - «Черт возьми, полковник, мы не сможем удержаться. Их слишком много! Пускай наша артиллерия вступит в бой!»

Радист прокричал, что командира батальона вызывает командир полка Дэвидсон. Бэнди покинул подвал, подполз к радиопередатчику, перевернулся на спину и взял трубку: «Да, полковник, наше положение отчаянное. Не знаю, сколько еще я смогу продержаться, если не придет помощь... Да, сэр, я знаю, что так или иначе вовремя до нас не доберутся. Вот что я вам скажу: пускай артиллерия откроет огонь по этой деревне. Да, сэр, я понимаю, но мы засели в домах, а немцы на улицах. Им достанется больше, чем нам. Да, сэр, вы можете на нас положиться. Мы будем держаться. Прикажите артиллеристам открыть огонь немедленно. Благодарю вас, сэр.» Бэнди вернул трубку радисту, подполз к лестнице и исчез в подвале. Уильямс вздохнул и сообщил командирам рот о том, что им нужно ожидать и как подготовиться к этому...

Командир полка незамедлительно принял все меры к тому, чтобы дивизионная артиллерия открыла огонь по Хайдершайду. Всего в бой вступили три дивизиона 105-мм пушек и дивизион 155-миллиметровок. Первый залп был организован по принципу *T.O.T. (Time On Target – по смыслу этот термин может быть переведен как «псевдозалп» - комментарий А. В. Исаева)*. При этом все пушки стреляют с такими интервалами, что снаряды поражают цель в одно и то же время. Это считалось идеальным способом достижения максимального эффекта от артобстрела, так как при этом противник не имеет возможности уловить звук, предупреждающий его об опасности. Он слышит нарастающий вой, свист бесчисленных снарядов, после чего его позиции буквально разносит в пух и прах. Одного воя и свиста снарядов было достаточно для того, чтобы кровь стыла в жилах...

Разрывы снарядов сносили верхние этажи домов, обломки вместе с осколками засыпали улицы. Попавшие под артобстрел немцы обратились в бегство. С американцами находился артиллерийский наблюдатель, который корректировал огонь по радио. Увидев, что немцы покидают городок, он передал артиллеристам следующее: «Вверх на 200. Огонь на поражение/Up 200. Fire for effect.» Уже через считанные секунды артиллеристы перенесли огонь за пределы городка и обрушились на убегающих немцев. Затем наблюдатель повторил: «Вверх на 200. Огонь на поражение», и огонь сместился еще дальше, пока немцы не были загнаны в лес и не исчезли из поля зрения. Затем прозвучала команда прекратить огонь.

Обороняющиеся пришли в себя, успокоились и начали готовиться к очередной контратаке противника. На этот раз план действий включал в себя заблаговременное применение артиллерии еще до того, как немцы приблизятся к городку. Однако новой атаки не случилось! Хайдершайд остался под контролем американцев...

Трупы немцев были разбросаны по всему городу и полю, через которое они отступали. Американцам удалось установить, что город атаковала бригада *Der Führer* из дивизии *Grossdeutschland* (здесь явная ошибка – речь идет о бригаде *Führer Grenadier Brigade*, созданной на основе запасной бригады дивизии *Grossdeutschland*; в нее входили 99-й

Танковый Гренадерский полк/99. Panzergrenadier-Regiment и 101-й Танковый полк/101. Panzer-Regiment – ВК). Сам батальон понес на удивление небольшие потери, при этом почти никто не пострадал от артиллерийского огня своих батарей.

Сид Роулинг (Sid Rowling) пережил эти бои, но был тяжело ранен осколком немецкого снаряда тогда, когда грузил пленных на грузовик, чтобы отправить их в тыл. Он выжил и дожил до преклонных лет. Капитан Хармон написал представление к получению батальоном *Благодарности Президента (Unit Citation)*, однако командир полка полковник Донован отклонил рекомендацию и в ознаменование заслуг батальона счел необходимым представить его командира, полковника Бэнди, к ордену *Крест За Отличие в Службе (Distinguished Service Cross)* за храбрость под огнем. Сэм Вильямс не получил никаких наград...

Вот как описывает эти события капитан Гарланд Годби (командир роты E):

Под Хайдершайдом мы в первый раз увидели большие массы немецких солдат, поддержанных танками и артиллерией, на велосипедах, с техникой и снаряжением, которые тянули лошади. В памяти живо всплывает большое количество людей и техники, выдвигающихся из леса и переходящих в атаку, и результаты обстрела силами сразу нескольких наших артиллерийских дивизионов. Это побоище невозможно описать словами. Но, я должен признаться, мне было радостно видеть, как тонны снарядов взрываются одновременно. Об одном я сожалел – о прекрасных лошадях, которых разрывало на части, но мне не было жаль вражеских солдат. В конце концов, до того момента, продвигаясь через Францию, мы постоянно несли потери от огня хорошо окопавшихся стрелков и пулеметчиков и, к тому же, хорошо замаскированной артиллерии. Чуть ли не единственным, что мы раньше видели, были сдающиеся в плен солдаты противника или трупы, тех, кто не успел сдаться в плен до нашей атаки. Теперь пришло время свести счеты. Они расплатились за многих, очень многих из тех, кого я потерял, за смерть и раны моих друзей и моих солдат. Как ни грустно об этом говорить, в моей роте было менее 110 солдат и всего один офицер к тому моменту, когда начался бой. Лишь небольшая, бесценная горстка из них имела несколько часов опыта ближнего боя, когда мы пришли в Хайдершайд.

Наша первая атака совершенно не соответствовала тому, что пишут в учебниках. Те, кто там был, навсегда запомнили неразбериху в тот момент времени. Никто толком не знал, что происходило; где были мы и где были немцы. Не могу забыть, как я увидел выдвинувшуюся за нашу передовую линию батарею 155-мм пушек (Long Toms). Я спросил командира батареи, что он здесь делает, и ответ его был таким: «Я потерял контакт со своим дивизионом и принял решение закрепиться и поддержать пехоту.» - Я сказал ему: «Мы будем чувствовать себя лучше, если вы отойдете за передовую.» Без дополнительных принуждений он переместил батарею глубже в тыл и наметил цели. Обсудив ситуацию с командиром роты, через позиции которой нам предстояло продвигаться вперед, я обнаружил, что его левый фланг совершенно открыт, а его часть растянута на участке протяженностью не меньше четверти мили, скужившись от холода в своих ячейках.

Этот холод... У нас не было ни длинных теплых курток (parka), ни зимних башмаков (sno-paks). На нас были полевые куртки и старые резиновые бахилы с пряжками (four-buckle Arctic). Я видел парки только у водителей грузовиков из Интендантской Службы (Quartermaster Corps), которые везли нас из Мерлебака. Во время нашего короткого

пребывания в Хайдершайде я «освободил» одного из офицеров Вермахта от его теплой кожаной куртки. Первоклассная вещь для утепления, но я надел ее только один раз. Мои солдаты, находившиеся на одном из передовых постов, решили, что я – Краут, и, после того, как пулеметная очередь хлестнула по стене прямо у меня над головой, я быстро принял решение избавиться от этой куртки... Еще припоминаю, как мы восьмером забились в воронку от снаряда, чтобы укрыться от вражеского огня. Спасибо ребятам из взвода I&R – они сделали вылазку на окраину городка, попали под сильный огонь и поспешили вернуться. Помню, как уютно было в воронке и сколько тепла могут сгенерировать восемь перепуганных парней...

В ротах E и F было 4 танка и 2 новых истребителя танков с 90-миллиметровыми пушками. Невозможно описать это чувство, когда знаешь, что ты идешь в бой не сам по себе. Теперь у нас было оружие, которое позволяло поражать бронетехнику с большого расстояния, и мы больше не боялись массированных танковых атак. Мы боялись, по вполне понятным причинам, немецких 88-миллиметровок и знали, что одна такая или несколько поджидают нас у перекрестка дорог. Тем не менее, наши бронированные машины знали об этой опасности и осторожно следовали за нами вдоль дороги. Пройдя какое-то расстояние, я остановил роту, чтобы переговорить с командиром головного танка, чтобы обсудить дальнейшие действия. Забрался в танк, предварительно сняв каску, и присел на колени рядом с опорой пушки, чтобы рассмотреть карту. Лейтенант включил свой фонарь, и в следующий момент разверзся ад. Танк резко тряхнуло, и меня швырнуло на опору пушки, об которую я сильно ударился головой. Я выскочил из башни, и в этот же момент танкисты вклепили снаряд в 88-миллиметровку. В самом деле, это было прекрасное зрелище – дьявольская машина была в огне. Появилась надежда, что мы ворвемся в город без особых проблем.

У меня разболелась голова, на ней набухла шишка величиной с яйцо, но, так или иначе, мы вошли в городок и приступили к зачистке. Разгорелся ближний бой, мы забрасывали в окна и в подвалы одну гранату за другой и палили по всему, что шевелится. Зачистив наш сектор города, мы начали готовиться к отражению контратаки, которая, мы знали, скоро случится. В нескольких домах мы установили огневые точки и отрядили группы пехотинцев для защиты наших бронированных машин. Разумеется, контратака немцев не заставила себя ждать. Волна за волной вражеская пехота, танки и бронемашины начали выдвигаться из леса примерно в 800 ярдах, атакуя через открытую местность вверх по пологому склону. Происходившее потрясло воображение. Мы обрушили на них огонь из всего, что было под рукой. Наш корректировщик четко навел огонь нескольких артиллерийских дивизионов, но немцы продолжали медленно продвигаться в направлении городка. Когда они оказались в радиусе досягаемости стрелкового оружия, мы тоже открыли огонь, выкашивая их, как уток в тире. Никогда не забуду крики раненых и устрашающий скрежет танковых гусениц. Что касается меня, то я лично выпустил по врагу весь имеющийся боезапас пулемета калибра 0.50, который мы сняли с 2.5-тонного грузовика полевой кухни, но немцы продолжали продвигаться вперед по небольшому оврагу, протягивавшемуся в направлении городка. Когда они подошли вплотную, мы пустили в ход ручные гранаты, что на время остановило их. Кроме того, большой ущерб немцам нанес огонь наших 60-миллиметровых минометов. Вражеские танки следовали за пехотой, обстреливая нас фугасными снарядами. Однако наши танки и самоходки с 90-мм пушками подбили несколько вражеских машин с большого расстояния. Несколько вражеских танков добрались до подножия склона небольшого подъема в рельефе и оказались вне досягаемости нашей артиллерии. Тут нам на помощь пришли тяжелые, неуклюжие базуки. Расчеты базук из двух выдвинутых вперед взводов сумели вывести из строя

четыре танка, стреляя почти в упор. В конце концов, немцы остановили атаку, а мы тем временем начали перегруппировку и подготовку к следующей атаке врага...

Само собой, на следующее утро, сразу после рассвета, все началось снова. Мы услышали рев танковых моторов, крики солдат противника – казалось, целая армия наступает на город. Мы не смогли бы удержаться против превосходящих сил врага, да и боеприпасы были на исходе. Они уже были повсюду и роились, словно пчелы. Мы держали позиции в домах, они были на улицах. В итоге было решено вызвать огонь артиллерии на сам город. Это была игра в рулетку в отчаянной ситуации: или погибнуть под огнем собственных пушек, или быть уничтоженным солдатами Вермахта. Интенсивность артиллерийского обстрела была ужасающей, но пушки сделали свое дело, и немцы отступили, оставив в покое горстку измотанных, опаленных огнем и голодных пехотинцев, которых интересовало только одно: удастся ли после всего этого хорошо поесть за Рождественским столом?

Что ж, мы получили свой ужин, и повар-сержант со своими подчиненными тоже заслужил нашивки за участие в пехотном бою (combat infantryman badges) и еще пару наград за то, что помог нам в этой охоте на индеек. Кроме того, нам удалось позаимствовать множество зимних курток у «павших героев Вермахта»...

Последствия от удара головой об опору танковой пушки проявили себя примерно 17 января, когда меня эвакуировали с передовой. Батальонный врач сначала подумал, что у меня сильное сотрясение мозга, потому что я не мог избавиться от головной боли или полностью закрыть глаза. Однако я опять пришел на перевязочный пункт, чтобы узнать, какую еще помощь можно получить. Ну, он помог мне с большой кружкой коньяка и парой обезболивающих таблеток. Мое следующее воспоминание – эвакуационный госпиталь в Англии. Там обнаружили, что у меня трещина в черепе, а еще через 6 недель, когда мне разрешили вставать с постели, у меня нашли три сжатых шейных позвонка и еще три таких же в нижней части спины. В октябре 1945-го меня выписали из госпиталя и не предложили ничего лучшего, как остаться в армии. Говорят, чтобы быть пехотинцем, мозги не нужны. Я и есть живое доказательство тому, что это правда...

<http://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/primary-resources/bulge-dispatches/>

<http://www.thetroubleshooters.com/702nd/maddog002.html>

Перевод, компиляция, литературная обработка – Владимир Крупник

Автор приносит благодарность А. В. Исаеву (Москва) за редакцию статьи и ценные замечания и комментарии

Возврат к главной странице www.warsstory.org

